

Эмма Герштейн

..... МЕМУАРЫ • XX ВЕК

МЕМУАРЫ • XX ВЕК

**Эмма
Герштейн**

.....

**Вблизи поэтов.
Мемуары**

**Ахматова, Мандельштам,
Пастернак, Лев Гумилев**



РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г42

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Подготовка текста и комментарии Наталии Крайневой

Предисловие Олега Лекманова

В книгу вошли фотоматериалы из собраний
Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, фондов РГАЛИ, ЦА ФСБ
и архивов Е. Л. Пастернак, О. А. Хорошиловой и М. Ардова

Герштейн, Эмма Григорьевна.

Г42 Вблизи поэтов. Мемуары: Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Лев Гумилев /
Э. Г. Герштейн; подгот. текста и коммент. Н. И. Крайневой; предисл. О. А. Лекманова —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. — 878 [2] с., ил. — (Мемуа-
ры — XX век).

ISBN 978-5-17-096138-2

Эмма Григорьевна Герштейн (1903–2002) — историк литературы, мемуарист.
Ей посчастливилось находиться рядом с теми, чьи имена вписаны в историю русской куль-
туры. Вблизи, а не издали она наблюдала за выдающимися писателями и учеными
XX века — Осипом Мандельштамом, Анной Ахматовой, Борисом Пастернаком, Львом Гу-
милевым, Николаем Харджиевым.

Вышедшие в 1998 году мемуары Герштейн стали настоящим событием в литературной жиз-
ни, славист Омри Ронен назвал их “беспощадными”. О своих героях она писала метко,
страстно, выразительно, не стесняясь ни своей любви к ним, ни неприятия.

В книгу “Вблизи поэтов” также вошли литературоведческие статьи и поздние воспомина-
ния Э. Г. Герштейн, публиковавшиеся в журнале “Знамя” в 1999 и 2002 годах.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096138-2

- © Н. И. Крайнева, комментарии, 2019
- © О. А. Лекманов, предисловие, 2019
- © А. Л. Бондаренко, художественное оформление, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Олег Лекманов. Своя мелодия Эммы Герштейн</i>	9
--	---

КНИГА ПЕРВАЯ

ВБЛИЗИ ПОЭТА.....	15
В санатории	15
В Москве	25
Метанья	29
Возвращение к стихам	37
В Доме Герцена	47
Нащокинский переулок, д. 5, кв. 26	65
Конфликты — большие и малые.....	74
Ахматова	84
Вокруг ареста и ссылки Мандельштама	87
МАНДЕЛЬШТАМ В ВОРОНЕЖЕ	116
ПИСЬМА И ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ	153
ПРОПАВШИЙ “КЛЮЧ”	160
ОТГОЛОСКИ “КЛЮЧА”	182
МАЛЕНЬКИЙ “САЛЬЕРИ”	206
РАБОТА НАД СТИХАМИ.....	216

“ТЕТРАДЬ № 2”	232
ЭПИЛОГ	291

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИШНЯЯ ЛЮБОВЬ	307
Глава первая	319
Глава вторая	324
Глава третья	332
Глава четвертая	338
Глава пятая	346
Глава шестая	351
Глава седьмая	357
Глава восьмая	363
Глава девятая	367
Глава десятая	375
Глава одиннадцатая	385
Глава двенадцатая	389
Глава тринадцатая	403
Глава четырнадцатая	412
Глава пятнадцатая	415
Глава шестнадцатая	420
Глава семнадцатая	429
Глава восемнадцатая	439
Глава девятнадцатая	443
Глава двадцатая	448
Глава двадцать первая	463

АННА АХМАТОВА И ЛЕВ ГУМИЛЕВ	491
Раненые души	491
Пытка ожиданием	506
Мои догадки	513
Корни трагедии	527
Решающее письмо	537
ПЕРЕЧЕНЬ ОБИД	609
НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА	648
“Листки из дневника”	650
Прямые ошибки в “Листках”	654
Маруся	657
Половодье признаний	664
Развязка надвигается	673
Черная свечка	678
Игра в смерть	686
Испуганный орел	692
МОЛОДОЙ МАНДЕЛЬШТАМ СКВОЗЬ	
РАЗНУЮ ОПТИКУ	700
В Сорок восьмом	703

КНИГА ТРЕТЬЯ

В ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ	709
КНИГА ЖИЗНИ	722
ПОСТАРЕВШИЕ СОБЕСЕДНИЦЫ	739
После Победы	748

РЕПЛИКИ АХМАТОВОЙ	758
БЕГОМ ЗА РУКОПИСЬЮ.....	766
НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ С БОРИСОМ ПАСТЕРНАКОМ.....	771

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЭТ ПОЭТУ — БРАТ	791
Секреты Ахматовой	791
Феномен Мандельштама	821
ЗАМЕТЫ СЕРДЦА	845
 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	 855

СВОЯ МЕЛОДИЯ ЭММЫ ГЕРШТЕЙН

Читатели часто бывают склонны судить автора как своего современника, почти или совсем не принимая в расчет бытовых и исторических обстоятельств той эпохи, в которую ему довелось сформироваться, жить и творить. Этим и всегда искажается понимание, а в случае с Эммой Григорьевной Герштейн оно искажается особенно сильно. Жить в России не было легко никогда, однако на долю поколения Герштейн (она родилась 12 (25) октября 1903 года) выпало какое-то уж совсем непереносимое количество горестей, испытаний и разочарований. Рожденные до 1914 года, то есть еще успевшие вкусить относительно благополучного существования (было с чем болезненно сравнивать всю оставшуюся жизнь) представители этого поколения испытали затем ужасы и лишения Первой мировой войны, двух революций, военного коммунизма, Гражданской войны, сталинского большого террора тридцатых годов, Второй мировой войны и послевоенного государственного антисемитизма. Самые везучие и стойкие дотянули до оттепели и даже до перестройки и совсем новых времен, как Герштейн, которая умерла 29 июня 2002 года, когда ей было больше девяноста восьми лет, увенчанная за свои воспоминания престижными премиями “Малый Букер” и “Антибукер” (1998). Однако опыт многолетнего выживания (вместо нормальной жизни!) не мог не оставить глубокого отпечатка на мировосприятии поколения.

На это мизантропическое мировосприятие, общее для многих людей, рожденных в самом начале XX века, в случае Эммы Герштейн накладываются еще и некоторые специфические особенности ее собственного воспитания и характера.

Ее отцом был известный врач, Григорий Моисеевич Герштейн, который долгие годы заведовал хирургическим отде-

лением Двинской земской больницы. В Двинске (ныне Даугавпилс), во всех деталях изображенном Леонидом Добычиным в повести “Город Эн”, Герштейн родилась и окончила гимназию. В 1919 году Григорий Герштейн стал главным врачом Шереметевской больницы Москвы, на базе которой в 1923 году был организован Институт неотложной помощи имени Склифосовского (между прочим, здесь у Герштейна некоторое время пытался лечиться от алкогольной зависимости Сергей Есенин). Семья главного врача, разумеется, переехала в столицу вслед за ним. Соответственно, Эмма Григорьевна поступила на отделение языка и литературы факультета общественных наук Московского государственного университета, который окончила в 1924 году.

Таковы основные факты первого и внешне вполне благополучного периода биографии Эммы Герштейн, скрывающие, однако, нешуточную драму. Атмосфера в семье была очень тяжелой, Герштейн с детства чувствовала себя в мире неуютно. “У нас в семье было много детей (два брата и сестра), надо мной всегда издевались, говорили, что у меня некрасивый нос, — рассказывала она в интервью Ирине Врубель-Голубкиной. — Я привыкла к тому, что на меня все махнули рукой — «она ни на что не способна, из нее ничего не выйдет»”. С этим ощущением собственной ненужности и незначительности Герштейн промучилась долгие годы. Именно с ним, в первую очередь, Герштейн попыталась бесстрашно расквитаться в последние десятилетия жизни, когда в несколько приемов написала большую книгу воспоминаний о своих знаменитых современниках.

Встреча с одним из них, Осипом Эмильевичем Мандельштамом, и его женой, Надеждой Яковлевной, состоялась в 1928 году, и она сыграла в жизни Герштейн огромную, поворотную роль (недаром с описания этой встречи мемуары и начинаются). Через Мандельштамов, дружба с которыми была драгоценна и сама по себе, Герштейн познакомилась с Борисом Леонидовичем Пастернаком, Анной Андреевной Ахматовой, ее сыном Львом Николаевичем Гумилевым, Николаем Ивановичем Харджиевым, Виктором Борисовичем Шкловским, Лидией Корнеевной Чуковской и, подчеркнем особо, Борисом Михайловичем Эйхен-

баумом. Особо потому, что Эйхенбаум помог Герштейн профессионально самоопределиться, то есть, может быть, впервые в жизни почувствовать свою нужность и значительность как самостоятельной, а не отражающей свет других людей личности. Областью ее филологических интересов стал Лермонтов, и в этой области Герштейн совершила целый ряд значительных открытий (первую работу о Лермонтове ей удалось напечатать в 1938 году). В частности, Герштейн показала, какую роль в поэтической биографии Лермонтова сыграл “кружок шестнадцати” — ее густонасыщенная новым материалом статья об этом кружке была напечатана в 1941 году.

Тем не менее в ближайшем круге Герштейн, в круге тех людей, мнением которых о себе она дорожила едва ли не больше всего, к ней продолжали относиться как к человеку не слишком интересному и яркому. Исключением, кажется, была лишь Ахматова, да и то с оговорками. “...Я бы себя прекрасно вела, в разговорах бы не участвовала, куда там, когда такие тузы! Но было принято решение — Эмму мы не позовем”, — это горькое воспоминание Герштейн из интервью с Врубель-Голубкиной о том, как Мандельштамы не пригласили ее на домашнее чтение Осипом Эмилевичем своего “Разговора о Данте” (1933), выразительно характеризует едва ли не общее отношение к ней в компании ее харизматических друзей.

В этом же интервью Герштейн с понятной обидой рассказывает о бурной реакции искусствоведа, филолога и коллекционера Николая Ивановича Харджиева на сверхкраткую заметку о ней, опубликованную в 1964 году во втором томе “Краткой литературной энциклопедии”. Автор этой заметки, Владимир Глоцер, отметил, что “по преимуществу биографические разыскания Герштейн” о Лермонтове, “исследующие всю совокупность трагических обстоятельств в судьбе поэта, содержат ценные открытия” и “отличаются свежестью и глубиной трактовки”. “И вдруг, — вспоминала Герштейн, — Н.И. пришел в бешенство — так не пишут в академических словарях, ничего не нужно, это справочные издания, то есть ревновал безумно. Да, я была поражена, он должен был бы радоваться, вместо этого позавидовал. А потом он мне сам говорил: «Почему-то к вам все

относились, как к чему-то низшему». Я не доросла, значит, ни до Харджиева, ни до Надьки. Вот они все такие”.

С этим чувством (“Вот все они такие”) Герштейн и написала мемуары, которые американский славист Омри Ронен справедливо назвал “беспощадными”. Но, конечно, не только с этим чувством. Главных героев своих воспоминаний, кроме, пожалуй, Надежды Яковлевны Мандельштам, автор сквозь не прошедшую с годами обиду еще и нежно любила. И беспощадной она была не только к современникам, но и к самой себе. Что же касается взаимоотношений Герштейн с Надеждой Яковлевной, то я могу лишь в очередной раз процитировать здесь чрезвычайно точное суждение Сергея Сергеевича Аверинцева, писавшего о том, как Надежда Яковлевна, ее брат Евгений Яковлевич и Эмма Григорьевна тайно выносили рукописи Мандельштама из его квартиры после ареста поэта: “Вы понимаете — там, в тот час они были вместе; а нас там не было. Что в сравнении с этим все их конфликты? И я, тогда еще не родившийся, кто я такой, чтобы принимать сторону одной из них против другой? От души прилагаю к себе ахматовскую формулу: «Его здесь не стояло». Как будто я могу поручиться за себя, что в то страшное время нашел бы в себе силу войти с Эммой Григорьевной и Евгением Яковлевичем в зачумленный дом, поднять с пола опасные бумаги!”

А еще Эмма Григорьевна Герштейн обладала прекрасной памятью, сохранившей для нас те детали жизни ее друзей, которые иначе непременно забылись бы, а также недюжинным литературным талантом. Андрей Немзер совершенно справедливо пишет, что, “ведя речь о Лермонтове или Ахматовой, Герштейн всегда выдерживала свою мелодию”.

Я уверен, что читатель подлежащей книге эту мелодию слышит.

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ

..... КНИГА ПЕРВАЯ

ВБЛИЗИ ПОЭТА

В санатории.....

В первый же день приезда я обратила внимание на одну пару. В столовую вошла молодая женщина с умным лбом, чем-то изысканная, за ней муж, с сухим надменным лицом, нижняя губа длиннее верхней, изящный птичий нос, высокий лоб с большими залысинами, седоват. “Вероятно, профессор-искусствовед из ГАХНа*”, — подумала я.

За столом оба внимательно обдумывали меню, совещались, можно ли ему есть печенку. У женщины был тихий, приятный голос. Печенка оказалась жесткой, а “профессор” совсем беззубым. Он стал что-то нервно говорить официантке, начинало пахнуть скандалом. Но жена сидела молча и окидывала обедающих коротким и тайно лукавым взглядом косо поставленных голубых глаз. Ее выпуклый чистый лоб с широкими висками и спокойное молчание придавали всей сцене характер непонятной серьезности. Оробев, официантка принесла другое блюдо.

Вставая из-за стола, отдыхающие стали обсуждать программу вечерних развлечений. Спросили “профессора”, не прочтет ли он что-нибудь. Тот ядовито обратился к человеку с круглыми покатыми плечами, но в форме летчика: “А если я попрошу вас сейчас полетать, как вы к этому отнесетесь?” Все были ошарашены.

Тут он стал раздраженно объяснять, что стихи существуют не для развлечения, что писать и даже читать стихи для него такая же работа, как для его собеседника управлять аэропланом. Общее настроение было испорчено, “профессор”, оказавшийся поэтом, презрительно проворчал еще что-то насчет

* ГАХН — Государственная академия художественных наук.